

КОЛЬЦО ВРЕМЕНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А.Ф. БОРУН

18+

Александр Борун

**Кольцо времени, или
Нарушенное обещание**

«Автор»

2017

Борун А. Ф.

Кольцо времени, или Нарушенное обещание / А. Ф. Борун —
«Автор», 2017

Герои фантастического рассказа отправляются в прошлое для спасения Ивана Сусанина - кто на триста пять лет назад, кто на шестьсот десять. Главная опасность, ожидающая их, не поляки и не волки; она таится в структуре пространственно-временного континуума и в глупых/жестоких поступках под влиянием эмоций. Умные/добрые поступки под влиянием эмоций не опасны.

© Борун А. Ф., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Основной вариант	5
Препозиция в точке континуума 3: конец ноября или начало декабря 1917. Буров в своём штабе на окраине Могилёва	6
Суперпозиция 4. Там же, тогда же. Буров и немецкий шпион	9
Препозиция в точке континуума 1: 2222 год, 7 декабря, Изенгард Сусаноо в лаборатории	11
Препозиция 1 (продолжение):	14
Препозиция в точке континуума 2: 1612 год, 24 ноября, Иван Сусанин в лесу на болоте между Домнино и Исопово	15
Суперпозиция 4 (продолжение). 7 декабря (24 ноября по старому стилю) 1917	18
Суперпозиция 5. 1917, 24 ноября (7 декабря по введённому в следующем году новому стилю), Харьков. Изенгард и супруги Буровы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Борун Кольцо времени, или Нарушенное обещание

Основной вариант

Посвящается Нине Викторовне
Борун (Житомирской)

Препозиция в точке континуума 3: конец ноября или начало декабря 1917. Буров в своём штабе на окраине Могилёва

24 ноября 1917 года (в следующем году переобозначенного как 7 декабря 1917 года), находясь в своём штабе на окраине Могилёва, Пётр Никитич Буров окончательно понял, что бессмысленно пытаться сделать что-то полезное для России под властью «народных» (то есть, большевистских) комиссаров.

Попытка Николая Николаевича Духонина, поддерживаемого патриотически настроенными офицерами, окончилась трагически, и эту трагедию никак нельзя было расценить как случайность.

Уже фактически отстранённый от должности Главковерха за то, что в телефонном разговоре с Лениным, Сталиным и Крыленко он отказался немедленно вступить в мирные переговоры с австро-германским командованием, Духонин продолжал готовить меры противодействия военной катастрофе и гражданской войне, предвидя, что фронт может рухнуть в результате стихийной демобилизации. Рассылал в штабы фронтов директивы, где в этом случае установить новую линию обороны, требовал останавливать бегущих с фронта или, если невозможно, пропускать, но хотя бы обезоруживать.

Четыре дня назад бандиты, сопровождавшие назначенного СНК нового Главковерха, прапорщика Крыленко, так называемые «революционные солдаты и матросы», вышли из-под контроля прапорщика и растерзали Духонина, которого Крыленко, де, собирался отправить в распоряжение СНК. Притом, что Духонин находился в вагоне самого Крыленко, устроившего штаб на железнодорожном вокзале.

Прапорщик, пытавшийся, ради удержания в армии офицеров, сделать вид, что возмущён и готовит суд над преступниками, отправил запрос Троцкому, в котором сам же предлагал дело прекратить, потому что судебный следователь, если ему передать дело, непременно предложит сделать вскрытие... для чего придётся выкопать тело, уже отправленное для захоронения в Киев... К чему, мол, такие сложности, на грани дополнительного оскорбления чувств родственников и боевых соратников покойного... Я, мол, дознание уже провёл, а дальше вам решать...

Запрос он отправил тайно, но Буров недаром за пять лет до германской войны четыре года ездил в Афганистан с поручениями Министерства иностранных дел для разведки Туркестанского военного округа. За успехи получил тогда подполковника. Уж если он мог организовать агентуру в ключевых местах на чужой земле, то в России – тем более было бы стыдно не разузнать текст депеши нынешнего начальника и возможного будущего противника. Да и германскую войну Буров начал, возглавив разведывательный отдел штаба Первой армии генерала Ренненкампа, а потом стал начальником штаба Особой армии.

По запросу Крыленко было понятно, к чему ведёт дело Верховный главнокомандующий прапорщик. Но запрос – ещё не ответ. Надежда на то, что близость катастрофы может улучшить умственные способности даже членов Совета народных комиссаров, у Петра Никитича сохранялась. Слабенькая была надежда, его опыт мешал самообману. Но всё-таки она была.

И вот сегодня пришёл издевательский ответ Троцкого, который главпрапор с удовольствием обнарудовал, добавляя от себя что-то на тему «умываю руки, так как не могу пойти против начальства, вы же, реакционеры (т.е. патриоты) сами настаиваете на необходимости в армии строжайшей дисциплины».

Троцкий написал: «Было бы бессмысленно и преступно передавать дело в руки судебных чиновников старого закала. Если необходимо, можете передать дело революционному суду,

который должен быть создан демократическими солдатскими организациями при Ставке и руководствоваться не старой буквой, а руководствоваться революционным правосознанием народа».

То есть, переводя с революционно-пропагандистского на человеческий, убийцы должны были судить себя сами. При этом всем было бы заранее ясно, что суд кончится ничем или присуждением подсудимым боевых наград за заслуги перед революцией. Поэтому Троцкий и написал «если необходимо». Очевидно, необходимость суда могло создать давление патриотически настроенной части армии, а при назначении такого состава суда требование его устроить могло потерять поддержку за полной безнадёжностью.

На первый взгляд это была та самая простота, которая хуже воровства. То есть приближение катастрофы ни в малейшей степени не образумило СНК. На второй взгляд, СНК приближал катастрофу слишком старательно, чтобы это можно было считать просто идиотизмом.

Правда, если бы задумывалась провокация, чтобы намеренно вызвать ещё большее возмущение патриотов таким издевательским судом над убийцами, и получить предлог принять к патриотам соответствующие меры, то Троцкий написал бы не «если необходимо», а просто «необходимо».

Значит, господа большевики всего лишь отрабатывают немецкое золото, притом планируя свои действия на интеллектуальном уровне быдла, с которым заигрывают. Не тонкая политическая игра, а тупой саботаж войны.

Но имеет ли значение это различие? В каких-то аспектах, а именно, с точки зрения будущего – да, имеет, когда и если потребуется вести с господами революционерами политические игры. Но с точки зрения настоящего нет никакого различия между приближающимися катастрофами хитрыми манёврами и бесхитростными, но столь же намеренными действиями. Главное, что недомыслию противодействовать было бы можно, а вот преднамеренности – как видно, нет.

Буров понял: появилась настоятельная необходимость исчезнуть из армии, если он хотел принести какую-то пользу России в будущем. Ибо, продолжая пытаться делать это сейчас, он только последовал бы за бывшим Главковерхом, как издевательски говорила теперь революционная сволочь, «в штаб к Духонину».

Хорошо ещё Николай Николаевич, царство ему небесное, успел перед приездом Крыленко выпустить из-под ареста из тюрьмы в Быхове генералов Корнилова, Деникина и других, арестованных после «корниловского мятежа». Возможно, благодаря этому, у России было какое-то будущее. Потому что это только комиссары Керенского ещё оставляли насчёт этого будущего какие-то иллюзии, хотя вся пасущаяся при Ставке свора (эсеры Чернов, Гоц, Дан, тут же представители Викжель, тут же молодые офицеры-комиссары, тут же представители Рады...) могла только лаять, но не кусать. Она очень мешала Духонину, возможно, из-за неё он что-то не успел... Но многое было сделано.

А вот при большевистских комиссарах никакого будущего у России быть не могло, как стало уже понятно, так сказать, не только теоретически, но абсолютно практически. Было бы кощунственно рассматривать гибель Духонина всего лишь как результат некоего бесчеловечного эксперимента на тему «сваришь ли с коммунистами кашу – или с ними на одном поле срать садиться нельзя». Но и не воспользоваться полученным такой страшной ценой знанием было бы полным идиотизмом. И даже преступлением.

Так что вопрос был не в том, оставаться в армии или нет. Узнав ответ Троцкого Крыленко и убедившись, что он по смыслу именно таков, как ожидалось, Буров раздумывал не над вопросом «остаться или уходить». Он не успел спланировать свой уход так, чтобы обмануть слежку, установленную за ним, как и буквально за всеми офицерами. И чем выше был офицер в цепочке командования, тем больше революционных солдат и матросов за ним следило.

А Пётр, как будто сама задача уйти была лёгкой, не хотел, вдобавок, чтобы его исчезновение осложнило уход другим. Он никак не мог придумать, как этого добиться. И был этим весьма раздосадован.

Поэтому, когда ему доложили, что у самого штаба Особой армии поймали германского шпиона, он чуть было не отмахнулся – пусть с ним кто-нибудь другой разбирается. Сделай он так – его судьба, возможно, стала бы намного более короткой и очень печальной. Впрочем, он не мог так поступить. И потому, что имел честь и чувство долга, а разбираться со шпионом было именно его делом, тем более что шпион твердил, как доложили, что ему необходимо встретиться именно с ним, Петром Нитичем Буровым, и он, де, «всё объяснит». И потому, что судьбу изменить не так-то просто.

Вот и вышло, что отвлекшись на допрос шпиона, он получил ту самую возможность исчезнуть столь невероятным образом, что решительно никто бы не смог его способа повторить, а потому и помешать кому-то использовать собственные способы он не должен был. Возможно даже, что вместо того, чтобы сделаться более бдительными, наблюдатели, наоборот, после его исчезновения махнули рукой на своё задание, которое и так выполняли, как положено «революционным солдатам и матросам», спустя рукава... Впрочем, этого он потом так и не узнал.

Суперпозиция 4. Там же, тогда же. Буров и немецкий шпион

Шпиона по распоряжению начштаба привели в комнату для частных бесед. В её центре под свисавшей с потолка голой электрической лампочкой стоял стол, разделяя оставшееся пространство примерно поровну. Пожалуй, прибывшему на беседу досталось даже больше места, потому что дверь открывалась наружу и места не занимала, а кроме неё, там был только стул и вешалка для шинелей или пальто в углу возле двери; пальто, впрочем, часто старались в это время года не снимать, что, правда, не относилось к задержанному, у которого пальто не наблюдалось вовсе. На долю Бурова, сидевшего за столом на точно таком же стуле, досталось окно за спиной, открывавшееся внутрь, но сейчас закрытое и тоже не занимавшее места, зато холодившее спину, если сидеть прямо, даже через висевшую на спинке стула сложенную пополам шинель, которую Буров принципиально снял, находясь в помещении, но на вешалку, в досягаемости от посетителей, вешать не стал; шинель не позволяла с удобством откинуться на спинку стула, и Буров, как из-за шинели, так и из-за сквозняка, сидел вполборота, чтобы за спиной была печка, четверть объёма которой, вдвинутая в комнату, занимала угол справа от него. Он сидел к ней почти вплотную, прислониться к печке мешал небольшой запас дров, уложенных «колодцем» для просушки. Опирается о спинку стула или стенку печки он всё равно бы не стал, считая, что это для штатских. Левый угол занимал изображающий сейф для секретных документов небольшой железный шкаф, запертый на простой висячий замок. Буров не знал, обзавелись ли уже товарищи ключом от него, и никаких документов туда не клал.

Шпион оказался странный. С первых его фраз Пётр выставил за дверь конвойных, которые покинули тесную клетушку с облегчением: там было места как раз для двоих. Несмотря на это, они помедлили, размышляя, не нужно ли настаивать на том, чтобы остаться и послушать, или не стоит связываться с начштаба. Всё же на такие приказы, как оказалось, его авторитета ещё хватало. Особенно, как в этом случае, когда приказ был к обоюдному физическому удовлетворению. Вот вывести и отпустить задержанного или, напротив, собственноручно расстрелять его он бы не мог. Во всяком случае, без опасных последствий для себя. А так – подозрительно, конечно, и, наверное, очередной донос в адрес или непосредственно в уши Крыленко Пётр себе обеспечил, но что было делать?

Дело в том, что на шпиона задержанный походил мало. Слишком заметный. Во многом.

Он не очень-то хорошо говорил по-русски. И его акцент не походил на акцент никакой нации, известной Петру. Речь его напоминала более всего какой-то диалект русского языка. Такого диалекта Пётр, правда, тоже не знал. Но не мог же он знать все языки мира (и акцент говорящего на каждом из них, когда он переходит на не родной ему русский). И все диалекты русского.

Не вполне правильная речь не столько обличала задержанного, как шпиона, сколько обещала: не могли немцы и австрияки быть столь глупы, чтобы послать на задание какого-нибудь, скажем для примера, болгарина, не выучившегося русскому так, чтобы тотчас не засыпаться.

Одежда его была ещё более нелепой. Собственно, одеждой задержанному служила какая-то дырявая тряпка, наваленная на тело. Головного убора и обуви не наблюдалось вовсе. Похоже, он оказался по какой-то причине на улице голым (в конце ноября!) и закутался в первое, что попало под руку, даже не обноски, а какую-то ветошь.

Но что ещё интереснее, хотя эта тряпка была не только рваной, но и грязной, тело, выглядывающее там и здесь в её прорехи – изумительно чистым. Красным от холода, да, но дико, подозрительно чистым. Пётр сам не отказался бы от возможности мыться чаще, чем раз в неделю или две, а этот субъект, похоже, принимал душ не ранее часа назад.

Правда, босые ноги у него были очень грязными. Поймав недовольный взгляд на них начштаба, сопровождающие доложили, что заставили нищего (?) долго и старательно вытирать ноги при входе в штаб, но, видимо, сколько он ими ни шаркал о тряпку, чистыми его ступни не стали. Но и то – грязными ноги были только по щиколотку, выше – только что не светились от той же поразительной на фронте чистоты, что и остальное тело.

Всё это подтверждало рассказ сопровождающих о его аресте: догонять и валить в грязь его не пришлось, он сам подошёл к часовому и потребовал встречи с начштаба Особой армии генерал-майором Пётром Никитичем Буровым. Вот вынь да положь ему означенного Букова, а ни с кем другим он разговаривать не желает. Такое требование со стороны такого фантастического оборванца, к тому же, непонятно откуда появившегося в расположении Особой армии в непосредственной близости к штабу, вкупе с его странной речью, немедленно привела к тому, что часовой посчитал его шпионом. Воображение и фантазия часовому не положены. Он заставил наглого нищелюба стоять неподвижно, подняв руки, и вызвал наряд...

Но «одежда», чистота, речь и осведомлённость о Букове не исчерпывали странности «шпиона». И сел он, не дожидаясь приглашения, значит, уверен в себе, несмотря на «костюм». Эти странности всего лишь намекали, что он, скорее, вернувшийся наш шпион у немцев, чем их шпион у нас. Хотя непонятно, откуда такой взялся, если Буков его не знает и не подозревал, что он может прийти.

Ещё больше Петра поразило сходство задержанного с ним самим. Может, подчинённые Букова и не заметили этого сходства: прищелец был чисто выбрит, а Петра они никогда не видели без бородки и усов. Да и не был он похож абсолютно, как брат-близнец. Но на роль неизвестного Петру младшего брата, или, скажем, кузена, вполне мог претендовать. По этому поводу Буков не мог пока предположить ничего разумного.

Заметив перечисленные странности, Пётр Никитич, естественно, ничем этого не выдал.

– Потрудитесь объясниться, – сказал он, и, видя, что «шпион» приглядывается к нему и не торопится начать, будучи, кажется, не вполне уверенным, что перед ним нужное ему лицо, продолжил, – вы так хотели поговорить, возможно, рисковали жизнью, должно быть, у вас для меня важная информация? Не сомневайтесь, я и есть генерал-майор Буков. Известна ли вам какая-то примета, по которой вы должны меня узнать, а я – вас? Может, какой-то пароль?..

Препопозиция в точке континуума 1: 2222 год, 7 декабря, Изенгард Сусаноо в лаборатории

Зенга нервничал перед проведением масштабного эксперимента, но это было учтено и ничему не должно было помешать. Никаких сенсоров не было, промахнуться дрожащей рукой мимо них он не мог. Собственно, в стартовом круглом зале не было вообще ничего, и даже стены были прозрачные, чтобы сразу замечать перемещение по приметам местности снаружи, если перемещение будет небольшим и экспериментатор не окажется за пределами пузыря. (Снаружи был смешанный парк; а всё оборудование располагалось под землёй, точнее, под бутербродом из брони и силового поля; так полагалось, хотя в данном случае эта защита не стоила ничего: портал мог открыть проход внутрь самого себя и сам себя уничтожить с лёгкостью, дело другое, что такое варварство не могло прийти в голову никому, даже потомку Герострата, и меньше всех – самому Зенге). И так, сенсоров не было, мысленное управление тоже не могло расстроиться: координаты были заданы заранее, их даже не надо было себе чётко представлять. Оставалось дать команду. Но Зенга нервничал всё равно.

Он до сих пор мысленно обращался к себе как к мальчишке, хотя окружающие в большинстве перешли на полное имя Изенгард. В том числе девушки. Хотя они-то как раз могли бы быть более фамильярными. Не то чтобы он как-то показывал, что ему бы хотелось, чтобы они сами догадались, что он не стал бы возражать.

Фамилии в начале двадцать третьего века почти не использовались, разнообразия имён, которые все придумывали себе сами, хватало... до недавней моды генетического поиска какого-нибудь знаменитого предка. Зенгу эта мода не интересовала, как и моды вообще, но некоторые его коллеги из АИВ, Ассоциации исследований времени, были одновременно участниками ОВУвОЖ, Общества вовлечения учёных в общественную жизнь. Они-то и нашли ему знаменитого предка Сусаноо. Мода вовлекаться в общественную жизнь его тоже не трогала, но тут он не смог промолчать и написал осповцам. Общественный совет по этике (ОСпЭ) его нетактичных коллег отечески пожурил и издал общественное предупреждение о сомнительной этичности (крайне резкая формулировка!) обнародования результатов генетических исследований в более широком спектре случаев, чем считалось до того, практически – в любом случае.

Всем и так было очевидно, что, хотя потомок за предков не отвечает, не очень хорошо показывать на кого-то пальцем, он, де, потомок Герострата. Потому что не отвечает-то он не отвечает, но гены никуда не делись, вдруг потомку придёт в голову что-то общественно ценное поджечь? Чуть, конечно, но отношения в обществе не были полностью рационализированы и в двадцать третьем веке, некоторые члены общества могли получить предубеждение против этого человека.

Более того, потомок, скажем, Туктамыш мог тоже испытывать не только гордость от наличия такого знатного в прошлом предка, но и досаду (пусть для добровольных разыскателей это и окажется сюрпризом). Скажем, благодарностью к тем, кто ему помогал, этот политик 15 в. не отличался, взять хоть князя Дмитрия, разбившего его главного соперника Мамайя. После чего Туктамыш, прикончив Мамайя, сжёг Москву. Или взять Тимура, затратившего много усилий, чтобы посадить Туктамыш на трон. Два раза войско давал (Туктамыш проигрывал сражения и прибежал обратно), сам сходил походом в Орду (с ничейным результатом), наконец, ещё одно войско, данное Туктамышу Тимуром, решило дело. А Токтамыш зачем-то после Мамайя и Дмитрия стал воевать с Тимуром, чем и закончил свою политическую карьеру. Кто-нибудь может опасаться доверять человеку с таким предком.

В случае Ивана Сусаноо, на первый взгляд казалось, никакой досады потомок не мог испытывать, потому что никаких сведений об отрицательных чертах характера знаменитого предка не было. Были только сведения о его подвиге. Однако после подвига был официальный

культ, с обычным пренебрежением к мелким несообразностям официальной версии, была критика, дошедшая до полного отрицания, были анекдоты, сделавшие эту трагическую фигуру смешной. Что должны думать коллеги о направлениях исследований, намечаемых Изенгардом, не усомнятся ли они в их правильности, не назовут ли его самого Иваном Сусаноо, пусть в шутку, в знак такого недоверия? Дескать, заведёт не туда?

Как бы то ни было, на самом деле в некотором отношении он был даже благодарен непрощеным благодетелям, потому что они подсказали ему идею масштабного эксперимента.

Поэтому он в своём письме просил осповцев их особо не ругать, а лишь обратить внимание общества на проблему. Он подозревал, что может невольно преувеличить свои неприятности. Виной его неуверенности в себе была не обрётённая помимо воли фамилия (кстати, у самого Сусаноо фамилии не было, крепостным она не полагалась, этим историки и объясняли прозвище по японскому богу ветра и царства мёртвых – то ли Иван ветряной мельницей заведовал, то ли за погостом приглядывал, теперь уж не скажешь). Неуверенность в себе, что касается коллег, была платой за сосредоточенность на науке в ущерб дружескому общению. Да и область проявления этой неуверенности были только личные и общественные отношения, не наука.

В правильности своего описания структуры времени Изенгард был уверен, и для этого у него были основания. Попытка создать парадокс времени, вернувшись в прошлое и поговорив с самим собой, провалилась, как и должно было получиться, исходя из его теории самовосстановления структурный нарушений временного потока. А также результатов опытов на бабочках.

Автопозиция 1 (воспоминание): Изенгард

I

+ Изенгард

II

А именно, вернуться в прошлое и поговорить с собой удалось, но никаких парадоксов не возникло, поскольку он и так хорошо помнил, как из будущего являлся к нему в гости он сам, как тогда показалось, без определённой цели. Разговор, состоявшийся за чаем в саду, получился ни о чём. «Ну, как ты тут? – А ты разве не помнишь? Всё нормально. – Ну, хорошо. – А что, должно быть что-то?.. – Нет-нет, не беспокойся, всё правильно... – А как ты там? – В целом нормально, а про частности, извини, лучше не буду рассказывать, ещё не уверен, что можно. – Да я и не спрашиваю, достаточно и того, что в целом...».

Помнил он и то, что это посещение сыграло большую роль в его исследованиях. Никаких словесных подсказок он себе не сделал, но ведь достаточно самого факта, чтобы понять, что его исследования структуры континуума на верном пути. Перед тем он как раз стоял на развилке, и, только что выбрав путь, ещё не был уверен в правильности выбора; неуверенность могла бы помешать исследованиям. Потому он был благодарен сам себе за подсказку. Однако такая подсказка в его теории не описывалась, как парадокс. Нормальная временная петля. Незамкнутая. Даже если бы он передал сам себе файл с чертежами портала, не было бы ничего страшного. Конечно, файл крутился бы в кольце времени, а чертежи оказались бы никем не придуманными. Но файл – не предмет, старение ему не грозит, даже если считать, что он в замкнутом кольце времени делает не один оборот, как это обстоит в действительности, а бесконечно много.

Он много размышлял об этом эпизоде и его значении. Чтобы не запутаться, сразу обозначил того себя, который был в том времени «своим», римской единицей, а гостя – двойкой, Изенгард I и Изенгард II. Это была шутка.

Но мелькнула и мысль: не были ли древние правители с одним и тем же именем и римскими номерами при нём путешественниками по времени? Это тоже была шутка; Зенга читал про Фоменко, выдуманного историка 20 века, который выдумал, что большие куски истории

выдуманы по образцу других, реальных или тоже выдуманных. Сам образ Фоменко был навеян анонимным авторам легенды о нём одним из Лже-Плутархов, утверждавшим, что римская история скопирована с греческой, и приводившим для доказательства более сотни парных эпизодов. Причём в трети эпизодов была выдумана греческая основа, в трети – римский аналог, а в оставшихся оба эпизода были настоящими, но их сходство существовало только в воображении Лже-Плутарха. Имя Phomenko – результат прочтения имени Ploutarhos в очень плохой по качеству изображения записи.

Препозиция 1 (продолжение):

Таким образом, для сомнений, казалось, не было оснований. Но вдруг при расширении границ проявится какой-нибудь масштабный фактор. Какая-то пока незаметная неточность. Во-первых, до сих пор в эксперимент включался лишь один человек. Ну, два, если считать количество собеседников, хоть они и были одной и той же личностью из разного времени. Или несколько живых существ, но не людей, а более примитивных, таких, как бабочки.

Во-вторых, и преодолеваемые временные отрезки теперь будут гораздо больше. Можно было сделать переход к большему масштабу более плавным. Но, признался себе Зенга, его соблазнила возможность одновременно с проверкой теории показать, что не какое-то нехорошее отношение к собственному предку, а только осознанная общественная необходимость была причиной его письма. (Хотя, честно говоря, причиной была его злость, больше на себя: оказалось неприятно осознать, что да, так и тянет путём присоединения к своему имени знаменитой фамилии придать себе побольше самоуверенности, а может, и социальной значимости, хотя и иллюзорной и ненадёжной, безо всяких усилий со своей стороны). В конце концов, такие письма в начале 23 века – редкое, можно сказать, чрезвычайное событие. Оно никак не могло прибавить Изенгарду уверенности в себе при общении с коллегами. Те делали вид, что этого просто не было, но свидетельство ли это возросшего уважения? Скорее, опасение, что его чувства слишком легко задеть. И лучше вообще не разговаривать ни о чём, кроме совместных исследований. С точки зрения пользы для самих исследований, такая реакция коллег была полезна... И спасательная экспедиция, конечно, более моральна, чем простая проверка. Зато и ответственность больше, она ведь теперь не только научная...

Всё, хватит! Хватит считать себя ни за что не отвечающим юношей, откликающимся на уменьшительное имя! Или даже пусть не откликающимся, а называющим себя Зенгой мысленно от лица внутреннего голоса – коллективного голоса уважаемых им коллег, друзей, родных и знакомых. Он серьёзный учёный Изенгард, находящийся прямо перед блестящим подтверждением практического применения новой теории структуры континуума! И только так!

Изенгард с трудом сосредоточился на деле и отдал порталу мысленный приказ открыть намеченный проход.

Препозиция в точке континуума 2: 1612 год, 24 ноября, Иван Сусанин в лесу на болоте между Домнино и Исопово

Иван дёргал связанными позади дерева руками, напрягал ноги, но примотали его прочно. И осину толстую нашли, хоть на болоте это и нелегко. Не вывернуть. Да и что бы он делал, повалив её? Такой ствол на себе не уволочь, даже если б не связанные ноги. А только – нельзя же ничего не делать, когда волки уже шмыгают по кустам. Не считать же важным делом, что плюнул вслед уходившим полякам и пожелал утопнуть всем до единого.

Вот изверги, нет бы сами убили, так им злоба не дала прикончить Ивана быстро, а на медленную пытку времени стало жалко, оставили волкам. Зато самому Ивану оставили какую-никакую надежду.

Правильно сообразили, вообще-то. Уже темнеет. Болото между Домнино и Исопово и днём-то опасное, тем более присыпанное снежком. А ночью по нему идти – верная гибель.

И пережить ночь, пока рассветёт, нельзя. Снежок-то и так следы почти засыпал, утром хрена с два отыщешь.

Да и поводит Иван поляков знатно, направления им никак не отыскать. Три раза, пользуясь тем, что снег падает, через свой уже заметённый след провёл. Три раза! На третий, правда, заметили...

Даже, наверное, сперва заметили эту круглую полянку с деревом в середине и кустами по краю. Полянка приметная, зря Иван в третий раз на неё вышел. А уж тут, заподозрив его, они стали и следы искать внимательно. На этой полянке они его и привязали.

Несмотря на приближающуюся к нему ужасную гибель, Иван улыбнулся, вспомнив, как шарахнулись от него поляки, когда он, видя их возрастающую подозрительность, признал, что заплутал немного, и стал делать вид, что сейчас отыщет дорогу с помощью тут же сломленной рогульки. Как же, чёртовы вилы!

Неучи эти католики! А болтают, водознатцы по всей Европе с рогульками рыщут. Да только, видать, то было раньше, а нынче католикам проклятым ум отшибло. Может, за то, что на Русь Святую попёрли. Известно, кого Бог хочет наказать, того Он лишает разума. Забыли, как есть забыли! За чёртовы вилы принимают, не помнят, что рогулькой только воду искать можно, чтобы найти место, где рыть колодец. Толку-то от неё на болоте – куда угодно укажет. Всюду мокреть. Кто пошустрее с ней управляет, те, сказывают, могут свои потерянные вещи рогулькой находить, а то и чужие клады. Иван с удовольствием нашёл бы клад – посмотреть, как обрадуются поляки и потеряют время на осмотр и делёжку. Но он не только сам не умел такого, но и не видал никого столь умелого с рогулькой, только слышал, что есть такие. Если увидит, поверит. Про себя же он знал, что и родник вряд ли отыщет. Но кто же о том полякам скажет?

Рогулька помогла ему выиграть немного времени. Пока поляки надеялись, что он найдёт потерянную тропку, он как раз и ухитрился второй раз провести их через свой след незаметно. А уж на третий они совсем подозрительные сделались, и заметили. Гады.

Смешно – рогульки так боялись (можно подумать, они у себя в хозяйстве вилами не пользуются!), что не стали даже пробовать её отнять, так и примотали к дереву, связав позади него руки с бесполезной палочкой, зажатой в ладони. Он попробовал засунуть конец рогульки в узел на запястьях, но не глядя трудно. Да и прутик тонкий был, скоро сломался.

Зато теперь у него больше надежды, что никуда они не выйдут. Хотя, отряд большой, все сразу не утопнут, будут своих вытаскивать. Кто их знает, может, и выберутся. А может, и нет: мокрые помёрзнут, и время на выручку уйдёт, и, если так всем отрядом пойдут, мало путей успеют проверить, а если разделятся, спасти друг друга труднее.

А если даже кто и выберется, как они остальных выручат, кто не туда пошёл?

В общем, есть у них очень маленькая возможность хоть кому-то уцелеть, и правильно они поняли, что она быстро уменьшается. Жаль, Ивану, по всему виду, не суждено увидеть, напрасно ли он жизнь отдаёт, чтоб поляки госпожу его инокиню Марфу (а по-старому Ксению, кою он знал с детства) с её сыном не схватили.

И так хлебнула лиха, насильно постриженная в монахини и сосланная в Сибирь подозрительным Годуновым. И мужа её насильно постригли и сослали, и весь его род. (Она-то, Ксения, из Шестовых, здешних господ, за мужа пострадала, остальных Шестовых Годунов не тронул). Хорошо, объявившийся чудом спасшийся от убийц Годунова царевич Дмитрий всех из ссылки велел вернуть, и то некоторые успели помереть от тягот. Так и тут новая беда: поляки Кремль Московский заняли и два года её с сыном среди прочих бояр при себе удерживали. А муж её в Польше, говорят, был. В плену. И уже не при Дмитрии это было, убили его, а при седмочисленных боярах, один из которых – брат её мужа, Иван Никитич Романов. Говорят, поляков они сами призвали, спасаясь от ещё раз чудом уцелевшего царевича Дмитрия, а то и самозванца по прозвищу «Тушинский вор», ну да Бог им судья. Хотя этого призывания поляков Иван не понимал: отряд Лисовского два раза разграбил Кострому, его Домнино тоже от них ничего хорошего не видело. Но под конец осады Кремля ополчением поляки, говорят, ели трупы, и боярам, что при них в Кремле были, вряд ли хорошо пришлось.

Самое время отдохнуть в своей вотчине, так и тут поляки. Откуда только взялись? Хорошо, госпожа с сыном уехали как раз в монастырь...

И ведь не те это поляки, какие-то новые. Тех, по слухам, казаки Трубецкого после сдачи в плен порубили, хотя и сдавались те под условием сохранения жизни. А если кого не порубили, тех разослали по разным городам. Так откуда бы им взяться – охотиться за выскользнувшей из их рук добычей?..

Не только про наступающие сумерки, про волков поляки тоже правильно сообразили. Видать, у них в Польше они тоже лютуют. Волки – звери умные и безжалостные. На непривязанного они бы сразу на горло кидались. Впрочем, это только в конце зимы, оголодавши, сейчас бы вообще побоялись. А от привязанного будут куски мяса вырывать. Не чтобы помучить, это им без разницы, они всё-таки не люди. А, наверное, вкуснее так.

Ха, гляди-ка, один поляк отстал от отряда и из кустов на краю полянки сбоку следит. Да это чуть ли не их главный! Хочет, значит, своими глазами увидеть, как волки накинута, на кровь врага своего полюбоваться, крики его своими ушами послушать. А и пускай хочет! Его и Ивану краем глаза видать (голову поворачивать он не стал, пускай поляк думает, что он его не видит, на всякий случай). Волки тем более боятся на полянку выходить.

На поляка они, жаль, не бросятся. Это уж слишком хорошо было бы. Но могут решить, что это на них ловушка такая, и вообще уйдут. Тогда поляку придётся Ивана скорей убить и бежать за своими.

А если не уйдут волки, то пока он сообразит, что сам же им мешает, глядишь, остальных уже не найдёт в сумерках.

А если он не сам по себе тут торчит, а по приказу (может, Иван неправильно признал в нём главного, в кустах не больно хорошо видно), то к нему, видя, что не догоняет, время спустя кого-то пришлют с приказом. Опять же, либо Ивана убить, либо бросить на волков окончательно и догонять своих бегом. Могут на бегу оба и того, в назначенный судьбой бочажок нырнуть. Это ещё если посланный не заплутает и полянку найдёт...

Пока Иван, теша себя такими надеждами, продолжал безнадежные попытки отвязаться, поляк всё это тоже понял. А может, и сам собирался немного поглядеть и тикать, хоть выйдет Ивановой смерти порадоваться, хоть нет. В общем, стал он уходить. Сперва тихо крался, чтобы волков не спугнуть, как будто они его и так не чуяли. Чтобы побежать, уже порядочно отойдя.

Волки стали по кустам поближе шмыгать, однако прямо сразу не осмелели. Их даже вроде поменьше стало – должно, несколько из них за поляком пошли. Прикидывают, точно ли он

возвращаться не будет, точно ли Иван не приманка в ловушке, а жертва? Вот вернутся ушедшие следить за поляком, тут они совсем осмелеют...

Но на самом деле вышло не так.

Суперпозиция 4 (продолжение). 7 декабря (24 ноября по старому стилю) 1917

– Я знаю, – отозвался странный шпион, – что вы – потомок Ивана Сусаноо. Я тоже.

– Хм, – сказал Пётр Никитич, – во-первых, насчёт родства моего с этим знаменитым героем известно многим. Хотя я не имею обыкновения этим похвалиться, на чужой роток не накинешь платок. Во-вторых, если уж вы берётесь хвастать знаменитым предком, лучше бы вам не коверкать его прозвание на какой-то, японский, что ли, манер. Возникает, знаете ли, сомнение в вашем родстве, раз вы о нём, очевидно, не слишком много знаете. В-третьих, вынужден вас разочаровать, сей пароль мне совершенно не известен. Так что не похоже, чтобы вы были нашим шпионом у немцев. Кстати, представьтесь, «родственник», – и Пётр взялся за перо и макнул его в чернильницу, намереваясь собственноручно писать протокол допроса.

– Изенгард, – сказал полуголый «шпион» машинально. У него было озадаченное выражение лица с того момента, как Пётр сделал замечание относительно искажения фамилии. Впрочем, на чернильницу он успел глянуть восторженным изумлением. Шпион из него как из дерьма пуля. Совершенно не умеет скрывать эмоции. – Что вы имеете в виду, «на японский манер»? Это и есть имя японского бога ветра. Вы хотите сказать, Иван взял себе фамилию не по нему?

– Хм, Изенгард, – записал Пётр, – норвежская фамилия, что ли? Или всё же немецкая? Хотя, скорее всего, всё равно не настоящая. – Пётр Никитич был православным, и удивился бы, если бы ему кто-то сказал, что его чувство юмора оживает примерно в таких же обстоятельствах, как у древних викингов. Придумать, как быстро смыться из Могилёва, и, главное, остаться притом никем не замеченным, не удалось, дела были, скорее всего, очень плохи, но если выпадает повод посмеяться, его нельзя упускать. Впрочем, внешне он никак не показал, что «шпион» его забавляет.

– Это имя, – машинально поправил задержанный, глядя на печку в углу, как на новейшее чудо техники. Кстати, удобная вещь для штабного помещения. Надо, скажем, сжечь бумажку... Пётр открыл дверцу, подкинул полешко из маленькой поленицы, подвинул его подальше кочергой и закрыл дверцу. К удовольствию от тепла из печки добавилось удовольствие понаблюдать восторженное выражение на лице «шпиона». Это откуда же он явился, что печки не видел? С Крайнего Севера, где, по слухам, люди в ледяных домах живут, на полу костры разводят?

– Имя так имя. А фамилия? Ах, да, наверное, Сусаноо? Что касается моего знаменитого предка и, по вашему утверждению, вашего тоже, то фамилии крепостным не полагались. А Сусаниным его прозвали – кстати, это сделал наверняка не он сам, а односельчане – не по какому-то японскому богу, до которого костромичам в начале семнадцатого века никакого дела и быть не могло, будь он хоть не богом ветра, а богом страны мёртвых. А, надо полагать, по имени его матери Сусанны. Наверное, отец его рано умер, вот мальчишку и прозывали по матери. И прозвание – не фамилия, его дочь Антонина была наверняка не Сусанина, а Иванова, а может, ещё как прозывалась, а выйдя замуж за Богдана Собинина стала не Собининой, а, наверное, Богдановой, как и их дети. Этого, впрочем, мы не знаем. Но никаких языческих богов я убедительно прошу вас в наш общий род не приписывать. Это не только неверно, но и оскорбительно. – Он уже усмехался открыто.

– Прошу прощения, – немедленно извинился Изенгард, – это я исключительно по невежеству. Я не историк, а те генетики, которые проводили исследования, наверное, воспользовались недостоверными историческими данными. Обязуюсь учесть обе ваши поправки. То есть, главное, сообщить генетикам, что их исторические данные неверны, Сусаноо не имеет отношения к найденному ими моему предку Ивану Сусанину. А детям, если они у меня будут

когда-нибудь, не буду передавать прозвание Сусаноо в качестве фамилии, так как оно ею не является. Думаю, впрочем, они и сами не захотят. У нас вообще не приняты фамилии, хотя крепостных нет.

– Пожалуй, – отозвался Пётр, – мне понравилось ваше нежелание поспешно менять прозвание с Сусаноо на Сусанина. Итак, вы хотите только учесть, что оно неправильное, сохраняя в то же время убеждение в том, что Иван Сусанин всё равно остаётся вашим предком. Не буду спрашивать вас, кто такие генетики, внушившие вам такую твёрдую уверенность, уже по самому слову понятно, что они занимаются линиями происхождения. Хотя источник вашей уверенности в их непогрешимости был бы интересен. Отложу также на потом вопросы относительно того экзотического места, из которого вы явились. Но протокол требует, чтобы самые существенные вопросы я задал в первую очередь. Итак, с какой целью вы здесь? Если у вас есть задание, то какое и от кого? Откуда непосредственно вы явились в расположение части? Как вам удалось пройти мимо внешнего круга часовых и оказаться рядом с этим домом, который вы сами, обращаясь к часовому, поименовали штабом Особой армии? Я уже понял, что сами вы не историк и не генетик, что бы это не означало, так кто вы? – улыбаться Пётр перестал, давая задержанному понять, что шутки кончились. Если не совсем, то, по крайней мере, до выяснения всех обстоятельств, необходимых к выяснению. А если задержанный ответит на последний вопрос, что он германский шпион...

– Цели у меня две, – принялся добросовестно рассказывать Изенгард. – Испытание многокоординатного портала, в данном эксперименте, пока что, при управлении четырьмя координатами, и предложение вам участия в спасении Ивана Сусано... о, простите, Ивана Сусанина. Обе цели я поставил себе сам, это не чьё-то задание. Портал – моё изобретение, в некотором смысле, так что мне и решать, как именно его испытывать. Мимо часовых я не проходил, я вышел из портала за забором, там, позади этого здания, и обошёл вокруг. Вы не обязаны мне верить на слово, – добавил он, видя скептическое выражение на лице Петра, – я могу продемонстрировать вам действие портала. По профессии я континуальный физик.

– То есть вы утверждаете, если я правильно вас понял, что у вас есть некое устройство, которое вы сами изобрели... правда, с подозрительной оговоркой «в некотором смысле»... с помощью которого можно незаметно проходить мимо часовых и проникать к секретным объектам, – сделал вывод Буров. – Что-то я при вас ничего не вижу. Оно такое маленькое, что его можно прятать под одеждой? Если вашу дерюжку... простите, если она вам почему бы то ни было дорога... можно назвать одеждой. И вы утверждаете, что можете мне показать, как это работает? А могу я предварительно взглянуть на само устройство?

– Объяснение моей оговорки заняло бы слишком много времени, – сказал Изенгард. – Практически портал можно считать моим изобретением почти в любом смысле, хотя я его не изобрёл, а извлёк из него самого, или оно выбрало меня орудием для его выявления из замкнутой континуальной петли. Или, если вам так более понятно, из закольцованного куса времени. Впрочем, это невозможно быстро объяснить. Взглянуть на него здесь нельзя, оно большое, и я его с собой не мог бы таскать. Оно в моей лаборатории в 2222 году. Но оно отслеживает мои физические показатели, такие как частоту пульса, давление, температуру и много более локальных, вплоть до электрической активности различных участков мозга, в результате я могу управлять им прямо отсюда. – Тут Изенгард, наконец, отвлёкся от своей речи и взглянул на скептическое лицо Бурова. – А вы что думали? – немедленно возмущился он. – Что прогресс остановится, или как? Представьте себя на моём месте. Вот вы вернулись на триста пять лет назад по времени, в тысяча шестьсот двенадцатый год. И пытаетесь описать там своему предку Ивану Сусанину, как ездили на поезде. Он вам просто не поверит, а если поверит, то сочтёт колдуном. Или машиниста поезда сочтёт колдуном, по крайней мере. Как вы вообще опишете поезд? Как дома, поставленные на колёса, и цепью катящиеся по железной дороге, или даже просто ряд телег на железных колёсах, неважно. Как только вы объясните, что лоша-

дей, быков и иной тягловой скотины у машиниста нет, а паровоз движется сам по себе силой пара, так сразу силу пара любой житель того времени посчитает силой дьявола, а машиниста – его пособником.

Буров был вынужден признать, что Изенгард прав. Пётр не объективен. Он не верит в реальность этого самого портала точно так же, как его предок не поверил бы в реальность паровоза. Разве что Иван был бы более готов поверить в колдовство. С другой стороны...

– По-моему, это называется замкнутым кругом, – возразил Пётр. – Кругом не во времени, про какой вы говорили, а в логике. Вы показываете мою предвзятость на примере, в котором предполагается, что я предвзят, а ваша машина времени существует. И тогда оказывается, что я зря не верю в неё. Но вы не можете доказывать её существование, опираясь на него же как на данность.

– Так давайте, покажу! – с энтузиазмом предложил Изенгард. – Открою портал и...

– Прежде, чем я соглашусь на эту демонстрацию, – перебил его Буров, – хотелось бы услышать чуть более подробное описание. А то у вас выйдет нечто, и вы станете утверждать, что именно это и должно было получиться, и эти клубы дыма и есть ваш портал, а что сгорел штаб, так то издержки науки. Или у вас ничего не выйдет, и вы скажете, что вам помешал мой скептицизм. Так обычно получается у тех, кто занимается спиритизмом. При вызове духов нельзя присутствовать скептикам. Они мешают медиуму сосредоточиться, оскорбляют духов, отчего те не желают приходить на вызов, и так далее. Но чуть более подробное описание я попросил бы вас дать не на час, а на несколько минут.

– Я попробую уложиться в несколько минут, – согласился Изенгард. – То, что вы увидите, когда я вызову портал, можно описать гораздо определённое, чем клубы дыма, и гораздо проще, чем поезд. «Паровоза» мы не увидим. До него отсюда триста пять лет. Увидим как бы дверь в другое место. Причём – я ещё не успел упомянуть – портал так хорошо отслеживает мои желания при управлении им, что может сам искать того, кого я хочу найти. Мне-то, разумеется, это было бы не под силу, как машинисту побежать впереди паровоза. Более того, он может и кого-то другого по моему желанию подключить к поиску. Именно это я хочу вам продемонстрировать. Вы представите в своём воображении какого-нибудь человека, которого очень хорошо знаете, скажем, вашу жену. Я открою портал и мы, пройдя в него, окажемся рядом с ней.

Первым импульсом Борова было возмущение: как посмел этот душевнобольной втягивать в свои сумасшедшие фантазии его жену?! Но на его лице возмущение не отразилось, а миг спустя он понял, что в существующей критической ситуации и вообще возмущаться не стоит.

Изенгард, видно, полностью уверен в своём бреде, и если это бред, в том можно быстро убедиться и больше не тратить на него времени. А если вдруг окажется не бред, жена простит его за неожиданное появление. Он же сам безуспешно пытался придумать способ, как попасть к своей семье в Харьков! Так и надо потребовать для проверки этого бреда попасть туда, а Изенгард именно это сам предлагает. Очень удачно.

Жалко, правда, будет, когда ничего не выйдет. Но это и хорошо. Пётр Никитич знал за собой непростительную для разведчика мягкость и доверчивость, которые, правда, были более его внутренними качествами, кои он, если требовалось для дела, совершенно не пускал проявляться наружно. Но это требовало волевого усилия и было неприятно его душе, а так будет легче принять суровые меры к сумасшедшему, отправив его в Киев в больницу для психических. Хватит! Он у него уже много времени отнял, и ясно, что никаких полезных сведений он не принёс, и ничего, кроме своих фантазий, рассказывать не будет. Когда попытка попасть в Харьков провалится, останется добиться, чтоб сказал, как прошёл мимо часовых в расположение штаба, и можно отправлять.

А почему похож, выяснять некогда. Интересно, да, но времени совсем нет! Ясно же, если психа начать спрашивать, он вряд ли скажет что-то реальное. Будет продолжать своё. Он,

может, и свихнулся на этом сходстве. Хотя откуда узнал?.. Нет, нет, некогда, некогда. Времени нет совершенно!

Когда Пётр высказал своё требование доставить его в Харьков, Изенгард ничуть не смутился. И не стал рассказывать, что, де, опыт может не выйти, так как направление перемещения должно быть строго по меридиану, или ещё что-нибудь. Правда, он может начать оправдываться и после неудачи...

– Думайте, пожалуйста, о своей жене, – сказал Изенгард и вытянул руки в направлении единственного свободного угла комнаты (в остальных трёх размещались печка, «сейф» и вешалка). – Дверь будет тут. – И постоял так довольно долго, примерно минуту.

Пётр, который уже давно сидел, сдерживая желание сделать замечание или задать вопрос, что не получается, не запомнил, как оказался на ногах, и, по-видимому, перепрыгнул через дрова, отгородившись столом от появившегося в глухой стене рядом со свободным углом комнаты тёмного дверного проёма. В руке его был наган, из которого он целился в новую «дверь». Комнатка-то угловая, сообразил он, так что за этой стенкой, как и за стенкой с окном за спиной Петра, улица. Но из темноты никто не появлялся. И холодом не веяло.

Кажется, это не хитрый фокус для атаки на штаб изнутри, хотя так её организовать можно. Кто бы мог подумать! Угроза самой настоящей диверсии с помощью безумного изобретателя... Но, кажется, пока угроза только в будущем.

Пётр опустил наган, но класть на стол, где он лежал на всякий случай во время допроса, или, тем более, прятать в кобуру не стал.

– Прошу, – сказал Изенгард. И кивнул на дверь в темноту.

– После вас, – проявил вежливость и осторожность Пётр.

– Я вас понимаю, но это невозможно, – заявил душевнобольной. Или душевнобольной, способный на овеществление своего бреда, уже не может так называться? – Как только я перестану поддерживать портал, он закроется, а я не смогу поддерживать его с той стороны. Я бы мог открыть его заново, уже оттуда, но на это уйдёт время. Здесь, в Могилёве, сейчас ночь, в Харькове, естественно, тоже. Вы уверены, что у вас дома благосклонно отнесутся к вторжению незнакомца? У вас меня часовые приняли за шпиона. Там, наверное, примут за вора. И не факт, что я успею открыть портал сюда, прежде чем мне помешают.

– Что ж, резонно, – был вынужден согласиться Пётр. Он понял, что ему бы и самому не хотелось, чтобы этот трижды подозрительный тип оказался между ним и Ниной. Лучше так, как он предлагает, тогда Пётр окажется между Ниной и психом. Как ни мало шансов, что это дверь в его дом в Харькове, скорее, какой-то фокус, просто чёрный квадрат... Но, если это вообще не дверь, он ничего не теряет...

Пётр поднял наган дулом вверх (опустить оружие всегда можно быстрее, чем вскинуть) и, стараясь не слишком приближаться к Изенгарду, для чего ему пришлось протиснуться мимо дров и мимо своего стула, обходя стол спиной, подошёл к «двери» и пощупал её левой рукой. На месте стенки была, действительно, пустота. Тогда он боком шагнул в «дверь». Смотреть он старался одновременно вперёд и назад, на Изенгарда.

Суперпозиция 5. 1917, 24 ноября (7 декабря по введённому в следующем году новому стилю), Харьков. Изенгард и супруги Буровы

Если нужно войти в тёмное помещение, и нет возможности заранее позаботиться об освещении, позаботься, по крайней мере, чтобы в том месте, откуда ты тудаходишь, тоже было темно!

Нина Фёдоровна Бурова, в девичестве Котлова, очень беспокойно спала в последнее очень беспокойное время.

Хотя спальня была устроена и обставлена не совсем обычным, но очень рациональным образом, как раз чтобы спать спокойно. Окно, расположенное в короткой стене комнаты, не очень хорошо освещало днём её дальний конец, но в спальне чаще всего и не нужно яркое освещение. Стола в спальне не было (а если бы и был, то, скорее, не стол, а мольберт), и к окну был свободный подход. Справа от окна половину длинной стены занимала ниша-альков, в которой стояла изголовьем к той стене, где окно, большая кровать и, в её изножье, прикроватная тумба для постельного белья. Меньшая тумбочка стояла между изголовьем кровати и краем окна. В сезон на ней могла быть ваза с цветами, в дополнение к комнатным растениям в горшочках на подоконнике, но был не сезон во всех смыслах, и главное место на тумбочке занимали керосиновая лампа (электричества не было) и пистолет. Альков можно было отгородить от остальной комнаты, задернув штору, но без мужа Нина Фёдоровна этого не делала. Тем более что штора, если бы её задёрнуть до конца, отгородила бы от неё и тумбочку с пистолетом, а задёргивать так, чтобы оставить открытой тумбочку, не имело смысла: свет из окна, например, утром всё равно осветил бы изголовье, хотя и очень косыми лучами. Следом за альковым к правой стене примыкал платяной шкаф, стоящий поперёк комнаты чуть ли не на половину её ширины. За шкафом в той же стене, уже в самом углу, была дверь; в результате вошедший оказывался за шкафом и не мог, только открыв дверь, видеть алькова, зато мог постучать по задней стенке шкафа и дать о себе знать. Можно было и в дверь постучать, как делается обычно, но Нине Фёдоровне пришлось бы отвечать очень громко, чтобы было слышно за закрытой дверью и из-за шкафа, поэтому обычай «постучи – спроси разрешения – открой дверь – входи» был для этой комнаты заменён на «тихо приоткрой дверь – спроси, спит ли хозяйка – если спит, но надобность очень велика, постучи по шкафу и т.д.». Это для прислуги, конечно, для мужа – в зависимости от того, знает ли он, что жена его ждёт. В левой от окна стене были дверь в туалет хозяйки и, почти вплотную, дверь в ванную комнату хозяйки. Почти половина стены оставалась свободной, и на ней чуть ли не до полу висели картины. Они, впрочем, занимали все стены, включая простенки рядом с окном и все три небольших стенки алькова, где их было видно не очень хорошо, как и на дальней от окна стене за шкафом, и потому на эти стены попадали нелюбимые картины. Получившиеся удачнее других художница предпочитала поместить на стену, отделявшую ванную комнату. Она была видна прямо с подушки практически вся: край шкафа проецировался как раз на дальний угол комнаты. Можно было поразмышлять, ещё не вставая, над удачами и промахами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.